

Историческая преемственность утратилась и изгладилась из памяти теперешних донских казаков потому, что во время турецкого похода в 1569 г. к Волго-Донской перешло казачьи городки были заброшены и разрушены турками. Атаманский городок не возмуждался, но название это за местом у Аксая сохраняется в донских документах еще в первой половине XVII в. наряду с названием — Кобякова Казна.

На месте Нижних Раздор вновь (после 1570 г.) образовался казачий городок, но название Нижние Раздоры постепенно заменилось названием Нижний и Монастырский городок.

Ниже теперешней ст. Мелеховской к донским казакам было очень сильное приселение запорожских

(даже преобладание их над донскими); выше по Дону было преобладание новгородской и вятской эмиграции; азовские Сары-Азманы казаки окончательно осели, как предполагал донской историк Пудавов, по р. Дону вверх от гор. Ведерниковского, т. е. в большем удалении от низовья Дона исторических мест. Поэтому мы и полагаем, что преемственность предания вследствие смешения с новыми этническими элементами (донских казаков с запорожцами и новгородцами) утерялась. Донской архив вследствие гибели его (в 1643 и 1744 г.) не мог восполнить утраты.

Долг потомков установить историческую действительность, ибо колыбель руссов — была колыбелью и Донского Войска.

Др. Эренджен Хара-Даван.

Религия в быте народов Запада и Востока.*)

Всякое религиозное бытие считает в себе веру в Бога, жизнь по Богу и внешнее выявление религиозной жизни в обрядах. Без этих трех элементов: догмы, этики и культа не мыслима никакая религия. Все исторические религии сочетают в себе эти три момента, но значение и развитие последних далеко не везде одинаково: преобладание догматики — дает учение Гностиков, этики — Буддизм, культа — Талмудизм. В Христианстве равномерно развиты все три начала.

Человечество имеет много разных религий и учений, но очень малое число из них проведено в повседневный быт своих последователей. Большая часть религий, и то из очень возвышенных и распространенных, не проводится в жизнь своими последователями, которые исповедуют их не „по духу“, а „по форме“.

Если сделать краткий обзор религий в их исповедании у народов с крайнего Запада до крайнего Востока, то мы заметим резкое расхождение на Западе и наибольшую гармонию на Востоке между религией и бытом их последователей. Европа — господство материи, культура ее капиталистическая, окончательное ее выражение — капитал и техника. Восток — господство духа, культура его духовная, религиозная, окончательное ее выражение — Богочеловек: Нирвана, Бодисатва, Будда. Здесь корень глубокой и основной разницы в характере культуры народов Запада и Востока.

Материалистическая культура Запада в своей основе противоречит „жизни по Христу“, тогда как духовная культура Востока способствует осуществлению религиозных начал в жизни и вот почему Восток дал все великие мировые религии и потому говорится: „Lux ex oriente“ („Свет с востока“). Если на Востоке экономика играет подчиненную роль (в духовной культуре), то на Западе мы видим „воинствующий экономизм“, где духовная культура влачит жалкое существование и имеет лишь второстепенную роль безжизненного и ненужного придатка.

Запад с Америкой — господство Христианства. Восток — Буддизма и частью Мусульманства. Россия является как бы мостом и синтезом их. По религии русский народ христиане, по своему „бытовому исповедничеству“ ближе к восточным религиям, что печатно высказано и Митрополитом Антонием.

Постараемся сделать краткий обзор „религии в быте“ с запада на восток.

1.

Человеку с восточной „душой“, попавшему на Запад в среду людей с европейской „душой“, т. е. в среду англо-саксов (с американцами разумея), католиков и лютеран, бросится в глаза резкое несоответствие между их жизнью и религией. Если бы „азиат“ стал догадываться по их жизни о религии, к которой они принадлежат, то он должен был бы констатировать печальный факт, что они христиане только формально, по имени, но никак не по своему быту. В своих заклю-

чениях, конечно, не приходится брать во внимание тот незначительный процент настоящих христиан, которые, может быть, живут по Христу и теперь.

„Азиат“, глядя на жизнь Запада, должен сказать, что здесь от религии остались, как памятники прошлого, пустующие церкви и попы, далеко не напоминающие по своему виду и жизни, своего восточного коллег-аскета.

Европеец с религией имеет формальную связь: когда он в школе проходит „Закон Божий“ и в церкви, которую неохотно и редко посещает, при чем его душу ни там, ни здесь религия не трогает. Как только выйдет он из школы с урока „Закона Божьего“ или из церкви, сразу все улетучивается, ибо он живет мыслит и ощущает другой мир, мир материальных интересов, обуславливаемых жестокой „борьбой за существование“ в этом царстве капитала. Европеец хорошо знает заповеди Божьи, но он стал бы смотреть как на безумца и чудака на азиата, который сказал бы ему, что их надо исполнять в своей повседневной жизни.

Все религии запрещают убивать, воровать и лгать, но больше всего они нарушаются в жизни европейских народов, хотя нигде нет так много полиции, тюрем и строгих законов, как у них. Побудительной причиной к этим преступлениям является материалистическая основа жизни европейца, стремление во что бы то ни стало к материальным благам, без которых жизнь не мыслима.

Также ругательства существуют у всех почти народов, но нигде до такой виртуозности не доходят, как у европейцев, которые упоминают не только мать, но и отца, Бога, Матерь Божью, даже солнце, как например у югославян, итальянцев и венгерцев (а у русских? ред.). Между тем, например у японцев, самое сильное ругательство это обзвать человека... черепахой. Попы вне службы любят ходить в цивильном костюме, чтобы духовный сан их не стеснял. Мне приходилось видеть попа служившего обедню в национальном костюме и, в добавок, с револьвером за поясом, хотя это составляет как бы принадлежность костюма черногорца. Церковь посещается более или менее многолюдно на Пасху и Р. Х., в остальные праздники и воскресения церкви обычно пустуют. Посты не соблюдаются. Эти мои наблюдения относятся к селам Европы за 8 лет моей эмиграции.

На западе брак освящен религией и есть таинство, между тем мы видим, что всюду там победил брак гражданский, который законен, а церковный не обязателен. Даже православные сербы накануне введения гражданского брака, который соответствует материальной основе духа и жизни Европы. Посему — браки „по расчету“, а любовь покупается, как товар на рынке. Разврат царит открыто и нет разницы между проституткой явной и тайной, сожительницей и женой, женщиной и девушкой*). На востоке брак не есть таинство,

*) От ред. Статья эта помещается в дискуссионном порядке.

*) Не слишком ли строг суд автора в этом месте? ред.

но там меньше разводов брака чем в Европе, хотя узы брачные там не церковные, а духовные, закрепленные бытом. Европейцы с таким отношением к браку и морали, но формально придерживающиеся моногамии, гораздо безправственнее азиатов и мусульман, придерживающихся полигамии, но живущих с принадлежащими только одним им женами.

В то время, как на Востоке государства основаны на религии и освящены ею, Западным государствам нет дела до религии: она представляет частное дело каждого: „хочешь верь в Бога, а не хочешь, не верь“. На востоке же поощряется религиозность и жизнь по Богу, к какой бы религии человек не принадлежал, но преследуется безбожие и жизнь, противоречащая началам религии.

Такое резкое расхождение между бытом и религией в Европе и большую их согласованность в Азии можно объяснить, кроме материалистической основы их быта и культуры, еще и тем, что христианство — учение очень возвышенное, тем самым не земное, оно не по силам для обычных смертных людей. Оно провозглашено, не смертным обычным человеком, а сыном Божиим, явившимся в этот мир, для того чтобы учить, пострадать за его грехи, воскреснуть и покинуть многострадальный греховный мир, между тем, как Будда был простой смертный — царевич, достигший своим духовным совершенствованием степени Будды и открывший всем пути его достижения. Своим учением о четырех истинах о страдании и восьмичном пути о избавлении от них. Он сам, будучи земным существом, и мог создать такое глубоко реалистическое учение, как Буддизм, в котором ничего нет сверхъестественного. Пути открыты для каждого, чтобы достичь степени Нирваны, Бодисатвы и Будды, хотя после Будды, пришествие другого Будды только ожидается.

Кажется парадоксом для азиата: европейцы, будучи сами христианами только по имени, во всей своей истории истекали кровью в религиозных войнах, горели на кострах инквизиции и здесь господствовал единый принцип: „Cuius imperio, eius religio“ (чья сила того и религия), а теперь этот же „безбожный“ Запад несет на своих стальных гигантах, вооруженных пушками, Христианство, вербуя в Китае „рисовых“ христиан*) и насильно ввозя опиум для отравления народов Востока.

II.

Между „духом Европы“ с практическим атеизмом в его быте и „духом Азии“ с ее мощным внутренним напряжением для служения религиозным идеалам, сверхличным и потому вечным, лежит как мост и синтез их — Россия.

Русский народ по своей религии, как христиане, относится, конечно, к западным народам. Православие пришло с Византии, но, по своему исповеданию в жизни, по „бытовому исповедничеству“ русского народа, оно ближе и понятнее к восточным религиям — Буддизму, Магометанству, Конфуцианству, чем латинскому Западу, хотя бы христианскому. Это мнение печатно высказывал такой авторитет духовного мира, как митрополит Антоний. Это ясно видит теперь всякий русский эмигрант, поневоле десятый год наблюдающий жизнь на западе, не только у католиков, но и хотя бы у тех же православных южных славян. Христианство не является лишь теоретическим познанием Бога и истины, — оно также определяет весь жизненный путь истинного христианина, путь спасения души и преображения тела.

Между тем люди, верующие в Бога и называющие себя христианами, не желают жить по Богу.

Россия, под влиянием Петра I, начала период европеизации, доведенного Лениным до теперешнего СССР. Этот период копирования Европы оказался трагичным во всем, в особенности в области религии, т. е. души народа. Столкнулись чуждые два мира культуры и психологии. Католический запад с его стремлением наи-

большого приближения христианства к жизни, и мир восточный, православный, с его приближением жизни к Христу.

Под влиянием европеизации в России образовалось два слоя: верхний, очень тонкий слой атеистической интеллигенции (продукт европеизации) и нижний, компактный слой народа, продолжающий еще оставаться в бытовом исповедничестве, хотя далеко не в такой степени, каковым он был в до-петровский период русской истории. Теперь, как в народе, так и среди интеллигенции, вновь возгорается священный огонь веры, но необходим полный возврат к религии и к „бытовому исповедничеству“.

В своем „бытовом исповедничестве“ древне русский народ не мог брать примера с монголо-туранских народов, с которыми он связан общностью своего месторазвития и под чьей властью в течение столетий так пышно расцвело русское православие, под защитой и льготами Монгольских ханов Золотой орды. Последнее кажется парадоксальным и мало вероятным для психологии европейца и историки скептически относились к этому, пока не были найдены указы золотоордынских ханов. Для подтверждения приведу два следующих исторических указа.

В 1270 году хан Менгу-Тимур издал следующий указ: „На Руси да не дерзнет никто посрамлять церкви и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т. д. Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, улья, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу и сами они — Божьи. Да помолятся они о нас“.

Узбек хан еще больше расширил привилегии церкви русской: „Все чины православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, — отнюдь не чиновников орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое, кто осмелится издеваться над православной верой или оскорбит церковь, монастырь, часовню, тот подлежит смерти без различия русский он или монгол. Да чувствует русское духовенство себя свободными слугами Бога“.

Могут подумать: да это было 650 лет тому назад, а теперь? На это можно привести следующий факт. В 1918 году в феврале, красная гвардия с советами докатилась до города Уфы, где большая часть населения — татарская. Совет приказал арестовать митрополита Уфимского Андрея (К. П. Ухтомского) и реквизировать церкви для каких-то их целей, но приказ не был приведен в исполнение... не благодаря сопротивлению православного, а энергичному заявлению мусульман татар: „Этого великого муфтия мы не выдадим врагам Бога, как не позволим оскорбить православные мечети“.

У монголов, как вообще на востоке, кроме мусульман, была абсолютная веротерпимость, больше того — защита и покровительство всех религий. К этому приходит теперь мысль человеческая в последних ее достижениях. Существенно важно для народа, как целого, быть верующим и религиозным, а какая и чья религия — это не суть важно. Не должно быть религий господствующих и подчиненных, главных и второстепенных. В монгольской империи не была объявлена ни одна религия господствующей, — все были равны.

Важна религиозная напряженность народной массы, которая живо ощущает ее и осуществляет ее правила в своей повседневной жизни.

Обратимся теперь к мастерскому анализу положительных черт туранской психики, сыгравших несомненно благотворную роль в русской истории до-петровского периода, в отношении религиозном в особенности. „Весь уклад жизни, — пишет князь Трубецкой (его книга: К проблеме русского самопознания), в котором вероисповедание и быт составляла одно „бытовое исповедничество“, в котором и государственные идеологии и материальная культура и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы, системы теоретически невыраженной и сознательно не форму-

*) Китайцы принимают Христианство узлеченные, глав. образ., не учением, а раздачей голодным риса и укрывательством под защиту „концессий“ иностранцев от преследований Китайских законов. Вятгофель: „Пробужденный Китай“.

лированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого и бытие самого национального целого, — все это носит на себе отпечаток туранского тина».

А ведь это именно и было то, на чем держалась Русь, что придавало ей устойчивость и силу. Православная вера, в древне-русском понимании этого термина, была именно той рамкой сознания, в которую само собой укладывалось все: частная жизнь, государственный строй и бытие вселенной. И в том, что эта рамка сознания не была предметом сознательного теоретического мышления, а подсознательной базой всей душевной жизни, — нельзя не усмотреть аналогии с нормальным аспектом туранской психологии.

Отношение древне-русского человека к своей вере, ее роль в его жизни и его неумение отделять веру от своего бытия — объясняется чертами его психики, свойственным народам востока.

И здесь и там, догмат веры рассматривается, как данное, как основной фон душевной жизни и внешнего

бытия; там и здесь религиозное мышление отличается отсутствием гибкости, пренебрежением к абстрактности и стремлением к конкретизации, к воплощению религиозных переживаний и идей в формах внешнего бытия и культуры. Вместо сознательно продуманной и тонко детализированной богословской системы в древней Руси получалась некоторая, словами не выраженная „подсознательная философская система“, стройная и нашедшая выражение не в богословских трактатах, а во всем житейском, на ней покоящемся. Этим русская религиозность отличалась от греческой, несмотря на свое догматическое тождество с этой последней и сближалась с туранской, с которой догматического сходства не было, и быть не могло».

„Бытовое исповедничество“ пропитанность культуры и бытия религией, которые были следствием особых свойств древне-русского благочестия, — были плюсом, а не минусом».

(Окончание следует).

Вл. Куртин.

Крым -- Далмация.

В госпитале.

Автомобиль еще не успел остановиться под мрачным сводом подъезда, как мы услышали грубое, презренное: *alles!* а затем *фыюить!* — подсвистыванье как на собак. В первый раз это меня удивило, оскорбило... а потом? Потом привык. Вспомнил Достоевского: „Ко всему то, подлец-человек, привыкает“.

Мы узнали, что это обычное обращение французов с русскими.

Ничего, думал я. — Вымоюсь, отдохну и удеру в город.

Так или приблизительно так думали многие, подобно мне „списавшиеся“ с парохода в погоне за баней.

Два санитары — негр и француз — повели нас по длинным темным коридорам. Время от времени они останавливались, чиркали спичками, что-то рассматривали. При свете спички я мог увидеть на полу у стен, два ряда человеческих тел, прикрытых шинелями и бурками. Все это, что было под шинелями и бурками, стояло, охало, хрипело. Все время слышалось невнятное бормотанье.

Наконец, француз крикнул:

Couchez — vous là! и ушел. Ушел и негр. Мы остались сами.

— Что он сказал? спрашивают казаки.

Сказал, чтобы мы здесь ложились.

— Да где же здесь ложиться?

— Это вы не так его поняли... а тоже — образованные...

Подождал юноша со свечой в руках. Увидав в нас „новоприбывших“, юноша посоветовал нам без лишних разговоров ложиться на тех местах, где сейчас каждый из нас стоит, спать не особенно крепко и не расбрасывать вещей:

— А то эти, черти, даже нашими лохмотьями не брезгают: тянут все!

— Он указал нам место, где можно найти 5—6 матрацов.

— Впрочем, сказал он, может быть с них еще не убрали мертвых, так вы сами вытащите из-под них матрацы и возьмите себе.

Среди нашей группы не оказалось охотника воспользоваться матрацами мертвецов.

Всю долгую ночь просидел на своем маленьком чемоданчике. Вшей здесь было так много и они были такие крупные, что хрустели под ногами. Где-то, недалеко от нас находилась уборная и оттуда несло убийственно. Откуда-то неслись стоны, временами переходившие в звериное рычание; где-то отборными словами ругали французов. Совсем недалеко от меня кто-то тяжело, прерывисто хрипел. Похоже, как будто качают волну распятой помпой.

Утром мы осмотрелись. Оказалось, что мы „спа-

ли“ приблизительно посредине длинного коридора, против дверей клозета, откуда широким потоком стекали в коридор нечистоты. Кроме нашей партии в коридоре лежало еще чел. 60. Хрипевший недалеко от меня человек теперь молчал, неподвижно уставившись в потолок, неестественно длинно вытянув правую ногу, а левую поджав под себя. Один из его соседей, солдат или просто крестьянин, посмотрел на спящего и спокойно сказал:

— А Тимофей должно быть того... эвакуировался!..

— Все там будем, равнодушно процедил кто-то.

Через полчаса Тимофея уже схватили чернокожие и, смеясь, сквозь белые зубы, оттащили его в покойничку.

В 8 ч. утра француз принес нам в чайнике мутную, горьковатую жидкость. Жидкость эта почему-то называлась „кофе“. Этот же француз сообщил нам, что в 10 ч. мы должны идти в баню.

— Наконец-то!

Старожилы загадочно улыбались, видя с каким нетерпением мы ожидаем баню.

— Мы тоже так ожидали, уклончиво отвечали они на наши недоуменные вопросы. Более сердобольные совсывали нам спрятаться на это время. Я не послушал благого совета.

— Как? Отказаться от бани, ради которой и бежал я с парохода?!

В большой коюшне нас не раздели, а буквально ободрали чернокожие „баньщики“, более похожие на чертей из преисподней, чем на банщиков. Потом остригли (стриг армянин). Стриг он и бороды и усы. Никогда не забуду как горько плакал один старик казак, очевидно старобрядец, когда ему армянин остриг его дивную седую бороду.

Остригли. Выгнали в „душ“. Это и была „баня“. Кранов „душа“, из которых капала холодная вода, было всего четыре. Столпившись под душем, кое-как „мылись“. Но не успел я смыть с головы, как раздалась „команда“ — *alles!* *фыюить!* И негры, жестикулируя, подталкивая нас ногами (очень искусно!), выгнали всех в „предбанник“ (коюшню), чтобы впустить новую партию. Дрожа от холода, кинулись мы к своему тряпью, но — ничего кроме поясов, ботинок и шапок не нашли.

Все было в „дезинфекции“. Два часа ждали одежду. Принесли только верхнюю, а белье обратной выдаче не подлежало. А смены ни у кого не было! Пришлось мокрые франжи и шинели натягивать на голое тело. Особенно плохо пришлось тем, у кого штаны были с кожаными вставками. При дезинфекции кожа сгорела и... После бани и дезинфекции нас отвели в тот же коридор и водворили на старые места.

Вторую ночь я спал в комнате тифозных на одной койке с сотником С... грелись, тесно прижавшись друг